

Глава 21. Новые «питомцы»

Белоснежные облака лениво дрейфовали в вышине, пропуская сквозь себя радужные лучи, что расцвечивали землю причудливыми пятнами. Небо пылало закатным пожаром, напоминая переливчатый шелк, брошенный на купол мира.

Прошло два дня.

Практики, собравшиеся на Куньлуньшане, давно разошлись. Инчжао стоял среди бескрайних пиков, вглядываясь в далекие равнины. Тулоу и Циньюань чинно следовали друг за другом в садах Сюаньпу; в кои-то веки здесь воцарился идеальный порядок. Даже свирепые твари — драконы, гигантские змеи и леопарды — умилились своим нравом, утратив былую жажду крови.

Внезапно воздух прорезала вспышка света, и рядом с Инчжао возник могучий тигр с человеческим лицом. Девять хвостов зверя мерно покачивались, а в позе сквозила несокрушимая мощь.

Это был Луу — хранитель девяти небесных пределов, ведающий климатом и временами года на Куньлуньшане.

Инчжао знал, что тот явится. Хоть беспорядки среди божественных птиц и свирепых зверей имели свои причины, он, как надзиратель, нес за них ответственность. Кровь, пролитая на склонах горы, была пятном на его репутации, и он готовился понести наказание.

— Я сам доложу обо всём Небесному Императору, — твердо произнес Инчжао.

Луу медленно кивнул:

— Хорошо, что беду удалось купировать вовремя. Иначе последствия были бы куда плачевнее, и оправдаться перед Его Величеством тебе бы не удалось.

В нынешних обстоятельствах Инчжао отделается легким испугом: скорее всего, у него просто вычтут часть накопленной благодати, но не более.

— К слову, — Инчжао вспомнил события того дня, — всё разрешилось так быстро лишь благодаря одному человеку. Он спас меня из заточения.

— О? — оживился Луу. — И какой у него даосский титул?

— Не знаю. Он скрыл свой истинный уровень развития, да и внешность, подозреваю, была лишь личиной. Но звери под его началом весьма искусны. Полагаю, это кто-то из великих мастеров Учения Людей.

— Что ж, когда он вознесется, мы всё узнаем. А пока я замолвлю за него словечко перед Императором, — пообещал Луу.

Под лазурным небом, среди бескрайних травянистых холмов, блуждал одинокий призрак.

Никто не мог его видеть. Он не помнил своего имени. Очнувшись, обнаружил, что вся его одежда пропитана кровью. Не зная ни пути, ни цели, просто скитался по миру, пока однажды не вышел к лазурному морю. Он долго смотрел на вечный бег волн, уходящих за горизонт.

И именно в тот день девушка с драконьими рогами, державшая в руках Лампу, направляющую души, случайно заметила его.

— Как тебя зовут? — с любопытством спросила она.

Он промолчал.

Солнце клонилось к закату, заливая мир янтарным светом. Стоя на мелководье, драконья дева смотрела на призрака:

— Моя лампа не даст твоей душе окончательно рассеяться. Но ты лишь тень, осколок бывшего величия. У тебя нет ни памяти, ни будущего. Хочешь уйти со мной в Подводный Дворец?

Призрак поднял взгляд. Он на мгновение растерялся.

Наконец он произнес:

— Хорошо.

— Так всё-таки, как твоё имя? — снова спросила девушка.

— И Чи... — имя вспыхнуло в сознании резкой, невыносимой болью.

Он сокрушенно покачал головой:

— Прости. Я забыл.

На полях колыхались золотистые колосья, наполняя воздух ароматом близкой жатвы.

Для жителей деревни Куньшуй утро выдалось на редкость свежим и приятным.

— Наш Старый небожитель просто невероятен! — воодушевленно воскликнул один из юношей.

— Я на днях проходил мимо подножия Куньлуньшаня — там больше нет той жуткой ауры.

Старейшина услышал наши молитвы и изгнал всю нечисть!

— Но мне показалось, что тот небожитель был совсем молодым? — Девочка с личиком, похожим на фарфоровую куколку, задумчиво прикусила палец и распахнула свои лучистые глаза.

— Глупая ты, Нью Сяохуа, — наставительно произнес тринадцатилетний подросток. — Боги могут принимать любой облик! Настоящие бессмертные всегда седовласы и носят длинные бороды.

Этот юноша в тот памятный день тоже отведал рисового печенья из рук Цзян Чаншэна. С тех пор его сила возросла многократно: теперь он мог в одиночку побороть любого деревенского здоровяка.

Те, кто пропустил визит «божества», кусали локти от досады, но весть о том, что Небожитель может вернуться, приободрила всех. Больные дети, мучившиеся от кошмаров, пришли в себя; их взгляды снова стали ясными.

Деревенский знахарь с самым серьезным видом заключил:

— Это чудо Господне. Небожитель лично изгнал скверну из тел малюток.

Родители плакали от радости. Кто-то даже решил сменить имя ребенку на «Шэнь-ю» — «Хранимый Богом». А староста, утирая скупую слезу, объявил сбор средств на возведение статуи.

— Отныне Куньшуй под защитой высших сил!

Цзян Чаншэн обо всём этом даже не догадывался.

В тот день на Куньлуньшане Ли Хунгуан и остальные практики, расспросив Бо, забрали израненного И Чифэна с собой в Центральный Божественный Округ, чтобы похоронить его в родном Ордене Сокровенного Духа. Сам же Лавочник Цзян вместе с тремя питомцами вернулся на Гору Небесного Императора, в свою тихую обитель, где жизнь потекла прежним

чередом.

Однако после событий на Куньлуньшане Чаншэн начал ощущать в себе странную силу — теплую, мягкую, но невероятно плотную. Даже зверята заметили перемены. Хомяк Сань Ва не выдержал и ляпнул:

— Хозяин, ты в последние дни какой-то... святой. Аура от тебя исходит, будто ты будда какой-то в золотом сиянии.

Чаншэн лишь недоуменно приподнял бровь.

Расспросы Мо Ци прояснили ситуацию: оказалось, это сила заслуг — благодать. Мо Ци даже показал, как правильно её усваивать.

Но была и другая проблема. Чаншэна начали преследовать видения. Стоило ему на миг забыть, как перед глазами возникала толпа крестьян, возводящих его статую и шепчущих молитвы.

«Неужели я схожу с ума?» — думал он.

Этой ночью видение повторилось с пугающей четкостью. Возле изваяния, имевшего с ним явное сходство, сельские жители жгли благовония и преклоняли колени.

— О Великий Небожитель! Молю, ниспошли деревне богатый урожай в этом году. Обещаю принести богатые дары в знак благодарности!

— Дедушка Небожитель, я твой самый преданный последователь! Мечтаю стать таким же, как ты. Но меня гложет одна печаль... Мы с Ню Сяохуа выросли вместе, и краше неё нет девчонки во всей округе. Пожалуйста, сделай так, чтобы, когда она вырастет, она вышла за меня замуж!

— О Великий! У меня в последнее время боли ниже спины, и кровь идет, и... ну, это... узел никак назад не заправляется. Помоги, ниспошли лекарство!

— Божественный господин! С годами мы с женой стали... реже видеться в постели. Эх, сердце-то хочет, да плоть не может. А мы третьего ребеночка планируем... Помоги вернуть былую удаль!

Цзян Чаншэн оцепенел. Что это за поток откровений?! Он им что, бог сватовства или семейный доктор? А последние двое вообще в своем уме? Такие интимные подробности... ему ли их слушать?!

Проснувшись на следующее утро, Чаншэн сохранял на лице каменное выражение.

«Определенно, я переутомился. Постоянно думаю о количестве посетителей, вот разум и выдает такие кульбиты», — решил он.

За последние дни слава о заведении на Горе Небесного Императора достигла ушей практиков Ордена Сокровенного Духа. Посетители прибывали один за другим, ведя себя на удивление почтительно. В «Дневнике Гор и Морей» было открыто девятнадцать разделов из двадцати, а до выполнения нормы по клиентам оставалось всего около тридцати человек.

— Простите, лавочник Цзян здесь? — раздался в дверях знакомый голос. В зал вошел статный мужчина в сопровождении группы спутников.

Чаншэн взглянул на него, и лицо показалось ему смутно знакомым. Впрочем, за эти дни здесь перебивало столько людей из Ордена Сокровенного Духа, что лица начали сливаться.

— Желаете соленое или сладкое? — дежурно спросил хозяин.

Лидер группы долго всматривался в лицо Чаншэна. Он смотрел с восторгом, трепетом и глубокой признательностью. Внезапно он схватил Чаншэна за руку и отвесил низкий поклон.

— Даос Цзян, я пришел поблагодарить вас! Если бы не вы, мой разум так и остался бы в плену суетного невежества. Только теперь я осознал, насколько узким был мой кругозор. Мир поистине бескраен!

Цзян Чаншэн замер. «О чем он вообще? Можно на нормальном языке?»

Он взглянул в лицо практика, пытаясь выудить из памяти хоть какую-то зацепку. В этот момент мимо пробежали питомцы, и хомяк Сань Ва шепнул Хаски:

— О, гляди, этот парень снова поднял уровень развития.

Тут до Чаншэна дошло: это же тот самый даос, который перешел на новую стадию прямо в ресторане после тарелки лапши! Кажется, Дунфан Хаожань?

Тот продолжал изливаться в благодарностях:

— Я хотел преподнести вам духовные камни, пилюли или артефакты, но вовремя спохватился. Разве такому выдающемуся человеку, как вы, может не хватать подобных мирских побрякушек?

Цзян Чаншэн едва не подавился воздухом.

«Нет! Не хватает! Я обычный человек, я обожаю "мирские побрякушки"!»

Он кашлянул и попытался тактично поправить гостя:

— На самом деле, я вовсе не тот, кем вы меня...

Дунфан Хаожань сжал его руку и понимающе посмотрел на него:

— Не продолжайте, Даос. Я всё понимаю.

«Великий скрывает свою личность. Это был намек, чтобы я не болтал лишнего», — решил для себя практик.

Мо Ци, вальяжно отдыхавший на ветвях векового дерева у входа, лениво наблюдал за этой сценой. Он прищурил свои алые глаза. Он вытянул руку — белую и холодную, словно нефрит, — и сделал легкое щелкающее движение пальцами.

Дунфан Хаожань внезапно ощутил удар тока и мгновенно отдернул руку от Чаншэна.

— Странно, — пробормотал он, озираясь по сторонам.

Цзян Чаншэн, будто почувствовав неладное, глянул в сторону двери.

Там, под сенью листвы, лежал Мо Ци. Полы его темно-красного халата колыхались на ветру. С этого ракурса был виден лишь его профиль; солнечные блики играли на его безупречной коже. Зрелище было завораживающим. Демон закрыл глаза, делая вид, что спит, и знать не знает о происходящем в доме.

Чаншэн отвел взгляд и обратился к гостям:

— Располагайтесь. Я приготовлю для вас обед.

Получив несколько тысяч духовных камней оплаты, Чаншэн ушел на кухню. Он решил приготовить цыпленка по-дунаньски — традиционное блюдо из земных краев.

Он взял тушки, выпотрошил их и тщательно промыл. Сначала птицу нужно было слегка припустить в кипятке, затем разделать, удалив кости и нарезав мясо полосками. На раскаленной сковороде зашкварчали пряности, наполняя кухню острым ароматом. Добавив рисовый уксус, вино и соль, Чаншэн быстро обжарил нежное мясо, а в конце влил немного бульона и припустил под крышкой.

Обычно он добавлял к цыпленку овощи, но сейчас ингредиенты были ограничены, так что пришлось обойтись без них.

Зверята тут же подхватили тарелки. Стоило хозяину отвернуться, как Сань Ва молниеносно стащил кусочек, тщательно вытер жир с мордочки и с самым невинным видом понес блюдо гостям.

Кусочки цыпленка, блестящие в красном масле, источали божественный аромат. Даже через вид этой обжаренной в специях кожицы можно было ощутить, как разыгрывается аппетит.

Практики, давно забывшие вкус настоящей еды, едва сдерживали слюну. Кто-то первым рискнул поднести палочки к губам и замер от восторга — мясо было невероятно нежным, с пикантной кислинкой и пряным послевкусием.

Чаншэн подал каждому по чашке рассыпчатого белого риса. Сочетание остро-соленого соуса и горячего риса привело гостей в состояние, близкое к экстазу. Даже те, кто не жаловал острое, не могли остановиться, чувствуя, как с каждым кусочком их тела наполняются чистой духовной энергией.

Глядя на их счастливые лица (иногда со слезами от перца), Чаншэн довольно отмечал, как растёт счетчик посетителей.

В этот момент у дверей слышались неуверенные, медленные шаги.

Цзян Чаншэн поднял голову и увидел Дань Синьцзэ. Тот замялся на пороге, он радостно взглянул на лавочника, но тут же отвел взгляд, явно не решаясь заговорить.

— Что ты там стоишь? Проходи, — пригласил его Чаншэн.

Дань Синьцзэ вошел, объяснив, что нашел дорогу, расспрашивая других практиков.

— Что закажешь сегодня?

Юноша замялся, его щеки слегка порозовели:

— Я... я пришел не поесть.

— А зачем тогда? — удивился Чаншэн. Что еще делать в ресторане?

Дань Синьцзэ набрал воздуха в грудь и выдал:

— Лавочник Цзян, я хотел спросить... вы всё еще принимаете новых «питомцев»?

<http://bllate.org/book/17549/1712578>